

Философская мысль
Правильная ссылка на статью: Волкова В.О., Малахова Н.В., Волков И.Е. — Имагинация как феномен познания // Философская мысль. – 2021. – № 6. – С. 54 - 66. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.6.35761 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35761

Правильная ссылка на статью: Волкова В.О., Малахова Н.В., Волков И.Е. — Имагинация как феномен познания // Философская мысль. – 2021. – № 6. – С. 54 - 66. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.6.35761 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35761

ИМАГИНАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН ПОЗНАНИЯ

В. О. ВОЛКОВА

ФГБОУ ВПО НГТУ им. Р. Е. АЛЕКСЕЕВА, Нижний Новгород, Россия
veravolkova@mail.ru

Н. В. МАЛАХОВА

Ассоциация имажинативной психодинамической психотерапии (АИПП), Москва, Россия, nvmalahova@mail.ru

И. Е. ВОЛКОВ

ФГБОУ ВПО НГТУ им. Р. Е. АЛЕКСЕЕВА, Нижний Новгород, Россия
vremyanaprokat@gmail.co

Аннотация. В статье рассматривается проблема имагинации как целостного феномена познания. В основу рассмотрения имагинации положена концепция телесного воплощения разума. Имагинация становится инструментом энактивного взаимодействия субъекта и объекта. Они взаимно дополняют и обновляют друг друга в деятельности познания и самопознания. Имагинация является порождающей моделью циклического взаимодействия субъекта и объекта в сопряжении образа и действия. Имагинация является моментом визуальной культуры, средством оформления мыслей и чувств в оптической согласованности мыслительных действий при воспроизводстве рисунка, сценических проявлений материала психической жизни человека, интерпретации образно-символического языка и действия. Имагинация создает пространство игры чувств, разума и тела во включенности человека в познание. Наиболее яркое проявление имагинация как феномен познания получает в практике психоанализа. Психоаналитическое описание показывает имагинацию в воплощении образа через тело и ум. В статье используются метод энактивного конструирования знания, метод визуализации и метод психоаналитического описания, демонстрирующий имагинацию как интегративное измерение человека, оптически согласующего тело, мысль и внешнюю среду человека. Подчеркивается роль метафор, превращенности и парадоксальности, показывающих степень свободного воплощения образа через интеграцию в нем телесного, социального и мыслимого в круговой, циклической зависимости. Имагинация создает синтезы этих измерений в «парадоксальной системе», переводе и превращении вымысла в символический язык и символические обоснования живого опыта познающего существа. Имагинация – это органическое образование человеческой натуры. Собеседник оказывается внешней средой и частью организации человека, которая создает его самого при помощи живого опыта познания и самопознания.

Ключевые слова: имагинация, образ, энактивное взаимодействие, телесный разум, визуализация, психоаналитическое описание, метафора, символ, парадоксальная система, превращенная форма

imagination, image image, active interaction, bodily mind, visualization, psychoanalytic description, metaphor, symbol, paradoxical system, transformed form

Введение

Предметом исследования является имагинация как многоаспектное явление. В процессе осмысления современного познания обнаруживается скрытое движение познания к интуитивным и синтетическим суждениям, в которых просматривается не только действия правополушарного мышления, но и особая форма интеллектуализации. С позиции рассматриваемой Б. Латур визуальной культуры, имагинация позволяет изображать предметы «оптически согласованными» независимо от угла их рассмотрения [15, с. 96]. Этот подход сопрягается с энактивным взаимодействием субъекта и объекта, образа и динамики вложений в него. В свою очередь цепочка сопряжений приводит нас к нелинейному динамическому подходу в организации человеком познания как холистического взаимодействия людей, когда за пределами воображения разворачивается единая структура взаимодействия чувства и мысли, тела и разума. Это взаимодействие нелинейно и имеет своим источником самоорганизацию каждой точки этого взаимодействия. Концепция энактивного конструирования знания (Ф. Варела, У. Матурано, Э. Рош, А. Ноэ и др.) является продолжением динамического нелинейного подхода в эпистемологии и синергетического подхода в когнитивной деятельности [13, с. 341]. Для современной эпистемологии характерно пересечение и сопряжение дискурсов. Концепция познающего тела или телесного разума сопрягается с учениями о познавательной деятельности в психоанализе (З. Фрейд, К. Г. Юнг, Ж. Лакан, Д. Анзье, Дж. Макдугалл). Познавательная активность становится особо состоятельной с помощью имагинаций как особых способов встраивания человека в среду, которой может быть история, культура, общество и, в частности, другой человек (психоаналитик, собеседник). Образ доходчив доступностью возбуждения чувств, наслаждений, соблазна. Имагинация, извлеченная из контекста психодинамической психотерапии, становится специфическим проводником (оператором) интеграции знания в чувственности и переживании познания «телесным разумом» [13, с. 347]. Имагинация реализует потребность науки в систематизации знания как интегрального измерения человека [12, с. 40], в котором согласовываются единые структуры, собранные из способностей человека к мышлению, воображению, интуиции, синтетическим суждениям и автоматизации, технологизации и интеллектуализации процессов получения знания о мире. Имагинация связана с интеграционными процессами развития человека в представлениях о ситуационности, встроенности познания в существование, энактивности действий специфического образно-символического характера. Собеседник становится внешней средой и частью внутренней организации человека, создающей образ самого человека.

Имагинация в интегральном измерении человека

Имагинация отображает комплекс научных тенденций, возникших в связи с наступлением технологической эпохи. Имагинация обладает контекстом, в котором скрыты философские образцы этих тенденций. Классическая ясность высказывания заменяется иносказательностью, недомолвками, имитацией и искажениями. Субъект принимает за действительность мир своих вымыслов и начинает жить чужой жизнью, принимая ее как собственную. С позиции энактивизма субъект и объект находятся во взаимно определяющем отношении. Они способны одновременно возникать и обновлять друг друга [13, с. 339]. Как форма познания, имагинация это сопряжение образа с

действием, которое следует понимать широко. Переживание, «участность», «поступок» являются действиями, выходящими за границы традиционного познания в нестандартные понятия «слова-образа», «метафоры-термина», обладающих эпистемологическим значением, близким по эмоциональности русской философии начала XX века [24, с. 17].

Имагинация фигурирует как превращенная форма [21, с. 245], в которой оператор «превращенность» указывает на изменения образа посредством трансформации вложенных в него содержаний. Такими содержаниями являются «вложения» (переход от образа к символу, от символа к тексту), от которых зависит переработка образа, используемая в способах обоснования образа как коррелята ситуации его возникновения [7].

В познавательной деятельности используются разные кодовые системы приспособления образов к миру. Это могут быть как телесные, так и мысленные проявления, выражаемые в языке метафор, метонимий и других форм кодирования обобщенного смысла образа в языке. Философия обладает возможностью создавать разные кодовые системы, в которых в качестве обоснования используется образно-символическое кодирование и перекодирование аналитических конструкций для создания особого интегрального измерения бытия человека. Можно утверждать, что имагинации как превращенные формы обобщенного смысла занимают свое место в современной картине мира. Имагинации, в которых вымысел сплетен с реальностью, выражен в образно-символической форме, являются смесью бытия и знания человека, бессознательного и изощренных форм осознания [20]. В отечественной философии исследуется конститутивная связь поэзии с бытием, которое понимается как природа, открывающая перспективу неклассической и, одновременно, природной (телесной) интеллектуализации [9].

В философии постмодерна «Смерть субъекта» связывается с его «бегством» на сторону объекта [4, с. 164 – 165], «исчезновением в глубину». Не субъект, но «глубина» начинает «говорить», обретает свой голос в телесности. Особую роль в понимании имагинации обретает язык телесного разума. Как отмечает Б. Ли Уорф, речь «есть лучший спектакль человека». В языке человек предчувствует неведомое и большое, в котором «физическое является только «поверхностью или оболочкой», но в которой «мы *находимся* и *принадлежим*» [28, с. 222 – 224]. Язык, как утверждает Б. Л. Уорф, является активным участником физической (телесной) жизни человека, обеспечивающим энактивное бытие образа средствами языка как телесного субстрата имагинации. Язык является особым интегративным измерением человека, в котором образ в действии (речевая имагинация) причастен трансценденции, вне которой он никогда бы не был понят как момент духовной практики человека [11].

Психоаналитическое описание в классической форме опирается на связь психики и тела в процессе развития человека. З. Фрейд в исследованиях человеческого либидо указывал на телесное выражение психических проявлений, а К. Г. Юнг связывал бытие с проявлениями «коллективного бессознательного», в котором значительная интеллектуальная роль принадлежит символам и другим имагинативным воплощениям смысла человеческого бытия. С расширением эпистемологического подхода к психоанализу субъективность все более воплощается в телесности, начинается с фантазий об «одном теле», имеющей «биологический прототип», берущий начало во внутриутробной жизни. Тело матери действительно должно служить жизненным потребностям двух человеческих существ. Пролонгация этого опыта как желаемого состояния играет важнейшую роль в психической жизни новорожденного ребенка [19].

Согласно Б. Латуру, изменения в научном знании связаны с возникновением визуализации и «каскада записей» как новой концепции научных абстракций. Научные абстракции конструируются, включая все диапазоны перехода визуализации в практическое использование знания (изображение, письмо, печать) [15]. В. М. Маслов связывает тенденции новых научных абстракций с визуальным поворотом в философии

[22]. Имагинация вписана в контекст культуры не только способностью собирать знание за пределами воображения [7], но и воплощением образов в познании и практике человеческого бытия и человеческих отношений через согласование ума и тела. Рисунок, выполняемый руками, включает в себе «размышление при помощи рук» [15]. Этимологической основой понятия «имагинация» является латинский термин «*imago*», означающий образ, разделенный с действительностью и указывающий на направленность человеческого восприятия в ее изображении и понимании. Он использовался в психоаналитической литературе в начале XX века в практических целях для установления того, что для человека является вымыслом, а что существует на самом деле.

В теории познания образ представляет собой «процесс (перцепт, конструкт), играющий важную роль в системе психической регуляции деятельности человека. Образ воплощает в себе сущность психического» [29, с. 641]. Имагинация в современном понимании, прежде всего, связывается с кататимным (душевым) переживанием образов [33]. Понятие «душа» не сводится к элементарному анализу конкретных переживаний при интерпретации образов. Здесь важно, что образ – это интегративная структура, включающая как душевные, так и телесные проявления переживаний (жесты, голос, аффекты), воплощенные в общение (бессознательное и осознаваемое) двух и более собеседников. Это положение согласуется с концепцией «познающего тела» Е. Н. Князевой. Познающее тело сочетает моменты психической регуляции с когнитивной деятельностью в тройном плане: 1) тело и разум взаимодействуют на «ленте» в самом когнитивном потоке и предстают как «единая сущность» – «отелесненный разум» или «разумное тело»; 2) динамический процесс восприятия и мышления совершается через тело и тело «размещено, локализовано» в окружающем мире, а организм – «тело-разум» находится в циклическом взаимодействии и структурном сопряжении со средой; 3) познание совершается всем телом и восприятие это не «не то, что случается с нами или в нас, а то, что мы делаем» [13, с. 341].

Познание – это способ тонкой «подстройки к миру» [13, с. 341]. В приведенной Е. Н. Князевой конструкции познания «телесным умом» заложены интегративные интенции концептуализации имагинации как феномена познания, встроенного в современные представления.

Образ создает внутреннюю действительность, которая может выступать как единое целое. Одновременно, это целое может путем воплощения в словах, действиях и символах быть разделенным между разными людьми, оказывать на них разные воздействия. В этой особенности образа К. Г. Юнг видел основание того, что образ в своей семантике может не иметь реального значения [31, с. 493], но может создавать внутреннюю действительность, в которую можно «впускать» других людей или «вызывать» их из памяти в архаических деталях ассоциаций или воспоминаний. По свидетельству психологов Ж. Лакана (Ж. Лакан, 1997), Д. Анзье (Д. Анзье 2015), Дж. Макдугалл (Дж. Макдугалл, 2007) восприятие матери сохраняется у человека средствами «телесного разума» на всю последующую жизнь. Оно является реальным действием превращения телесного материнского субстрата в символический объект, с которым человек вступает в циклические отношения. Он может перепоручить этому объекту функцию власти над своим сознанием и обновлять свою жизнь под его воздействием. В концепции Ж. Лакана «воображаемое» это целостный образ Я, начало которого закладывается в стадии зеркала. Стадия «зеркала» понимается как «превращенная форма», иррациональное воплощение, которая случается с субъектом, когда он берет на себя образ своего «имаго». Следует признать, что Ж. Лакан выстраивает представление о телесном разуме, который связывает с «символической матрицей», в которой Я оседает в первоначальной форме. Это событие происходит, по Ж. Лакану, ранее процесса идентификации и, прежде чем, язык воссоздаст функцию субъекта [14]. Имагинация захватывает в себя превращения первоначальной субъективности средствами телесной оборачиваемости Я на стадии «зеркала».

У. Барке и К. Нор считают, что имагинация покрывает собой все пространство отношений между людьми, когда они принимают участие в судьбах друг друга [33]. Телесный разум разделен между говорящими и думающими, но при этом сохраняется ресурс превращенности целого и его масштаб этой превращенности неограничен. Имагинация помогает проникновению в глубины бессознательного и заставляет его проявляться сквозь «голос имаго» [34]. К. Нор подчеркивает определённую близость имагинации и архаических форм проявления человеческой субъективности в «сценическом характере» выражения материала [35].

Представление об имагинации предполагает использование аналитических процедур в трактовке переживания. При этом аналитика может быть применима к разным явлениям пережитого – от переживания исторических и культурных артефактов до бессознательных переживаний психики. Аналитика образа выражает стремление человека к целостному осознанию себя средствами воображения [36] и подчеркивает современные тенденции визуальной культуры к исследованию способов получения и передачи знаний [15]. Здесь открывается тема необходимости учета в науке «иррациональных выражений» [21] и других элементов, какими бы странными они ни казались. Таким образом, имагинация как знание интегрирует в себе пространственно-действенные отношения в коммуникации, визуализацию переживаний как действия по их воплощению на уровень понимания и высказывания, а также установления порядка из хаоса разносторонних впечатлений средствами интеллектуальных инструментов (схем, моделей, парадоксальных систем).

Исследование явления имагинации оказывает воздействие на практику мышления, коммуникации и методологии, которая трансформируется в связи с наступлением трансдисциплинарной когнитивной революции [3]. Практика исследования человека не ограничивается антропологией, социальными науками, культурологией и психологией. Человек начинает осознать специфическое «гуманитарное измерение» [6], раскрывающее интегративную сущность человека в познании, а социокультурная реальность становится артефактом меняющегося мира [5]. Общей платформой исследования становятся синтетические суждения с привлечением интуитивных конструкций, неясных интуиций, а также инструментов схватывающего мышления, таких как схемы, модели, карты и прочие «экономные» воплощения объяснений [15, с 99]. Они могут быть эмпирическими и в тоже время концептуальными подобно рисунку, в котором изображено состояние человеческой души. Рисунок, художественная картина могут ничего не сказать многим людям. Но найдется один, для которого содержание рисунка будет воплощением интегрального знания о человеке. Найдется много людей, способных адекватно прочесть имагинации М. Пруста не как книгу, а в качестве нового для себя интегрального измерения человека.

Имагинация вбирает в себя весь комплекс усилий человека по организации внутренних потенций самораккрытия бессознательно или осознанно. Трансдисциплинарные исследования феноменов подобного профиля находятся в самом начале. Внутренние потенции творческой самоорганизации принимают, к примеру, форму художественной воли. Эстетизирующая воля проявляет себя в качестве онтологического основания и, одновременно, нового типа знания [8].

Имагинация собирает в себе аргументацию процесса познания в том, как человек признает реально существующим то, что для него зримо и ощутимо, но не видимо другими людьми, как человек живет в виртуальном мире, который создает сам. В этом признании ему помогает другой человек или, как в технореальности, машина. Однако, имагинация обладает ресурсом воспроизведения самоорганизации человека средствами его внутренней жизни: способностью распознавать знаки в своем окружении, восприятии их не только как указаний, но и в качестве знамений появления смыслов во взаимодействии с реальным миром. Как своих собственных, так и разворачивающихся в его адрес интенций другого человека.

Образ в человеческой практике может возникнуть спонтанно. Он может быть создан или сконструирован (вызван) в общем потоке восприятий и суждений. Сила образа состоит в неосознаваемом воздействии друг на друга всех участников коммуникации. Предложение изобразить свое состояние в рисунке открывает проективную возможность превращения бессознательных мотивов в визуальную форму записи, т.е. 1) при помощи символов демонстрировать идеальный, но сокрытый план сознательных и бессознательных состояний в символически-образной форме; 2) упаковывать в рисунок отношения, придав им метафорический характер; 3) при этом возвращается чувственно-кинестетический опыт, когда голос и артикуляция сохраняют архаичные субъективные ощущения; 4) осуществляется интуитивный перевод иррациональных суждений в рациональные, но сценически переживаемые визуализации; 5) выражается в конструкциях текста, чтение которого требует навыка «чтения» скрытых посланий, просматриваемых сквозь туман наслоений символов, слов, жестов, отношений.

Иманинация как дискурсивная практика

Организация современной дискурсивной практики опирается на фундамент энактивизма, заложенный Фр. Варелой, А. Ноэ, Э. Томпсоном, Э. Кларком и т.д. Поскольку имажинация в своем корне является образной репрезентацией, то с этой позиции имажинация может быть рассмотрена как «репрезентация-в-действии» [10], которая не может быть понята абстрактно, вне телесного воплощения. Стоит отметить, что образ, разворачивающийся как динамический процесс восприятия через тело, может иметь другие значения, кроме латинского «имаго». Греческое значение термина «образ» вбирает в себя «предметно-смысловое целое», каким являлся *logos*, в котором отождествляется мысль и слово, а также значения «понятия», «суждения», «доказательства», «науки». Таким образом, в европейском мышлении отождествлялись мышление и язык. Образ воплощался в «предметно-смысловом целом» в структурных разновидностях (схема, морфе, тип, эйдос, идея) и включал отдельные части, которые комбинируются как целое [16, с. 533]. Эту комбинаторную возможность подчеркивает энактивизм, усиливая ее телесным чувственным содержанием. Образ превращен в любую разновидность предметно-смыслового целого, сохраняя в себе интеграционные возможности схематизации [26], т.е. экономного наполнения знанием и «переживанием приключений знания за пределами схемы» [7]. Согласно А. Ф. Лосеву, античные термины имеют латентный символический характер, гипотетически расширяющий обозначаемый предмет до бесконечности самовыражений [16, с. 533]. С этой точки зрения, интерпретация может быть только символической, т.е. чувственно соединяющей тело и разум. Исследование интерпретации О. Д. Агаповым позволяет заключить, что интерпретация выступает в роли процесса конституирования мира человеком и установлении различных практик преобразования человеком мира и самого себя [1]. Интерпретация является, по А. Ф. Лосеву, символической: *«всякая интерпретация есть обязательно символ»* [18, с. 335]. Такая интерпретация позволяет рассматривать предмет в его значениях с разных точек зрения, в проективности и возможности возникновения новых и, личностных в том числе, содержаний. Символ является «порождающим принципом» [17], полаганием содержаний, которые может выпустить из себя образ, принимающий на себя миссию идеи в создании антропологических условий [27] дискурсивной практики имажинации. Символ способен устанавливать телесно-чувственные связи и взаимные переходы внутреннего во внешнее, субъективного в объективное в энактивной связанности ситуации с действиями внутри пространства человеческих отношений. Символ обладает собственным характером выразительности, известной в истории философской мысли [23]. Символы могут быть конфликтными или поддерживающими. В энактивной связанности цикличности передачи могут быть транслированы не только эмоции и идеи, но и психические функциональные модификации, исходящие из символов.

С позиции энактивизма имажинация является особым способом встраивания человека в познание и самопознание. Прежде всего, посредством сохранения кинестетического опыта детского восприятия и целостными образами переживаний, которые человек синтезирует при встрече с рисунком или вербальным описанием своих впечатлений. Простейшее переживание может быть передано средствами искусства, сопровождаемыми возвратом к ранним архаическим состояниям слияния и связанности [32].

Имажинация обладает символическими качествами дискурса благодаря их раскрытию в интерпретациях [33]. Рисунок, изображающий внутреннее состояние, принадлежит субъекту познания и является объектом для исследования этого состояния. Восприятие рисунка представляет собой динамический процесс, в котором сознание и психика органично слиты, а задача имажинации, включающей слова (интерпретации), телесные выражения, ассоциации, персонажей различить мощный поток имажинирующего познания, выделив в нем идеи, слои, уровни, т.е. рассмотрев в этом потоке систему. Имагинативная коммуникация (имажинация покрывающая поле взаимодействия) создает особый вид мышления и способов действия участников коммуникации. Неслучайно Х. Хенинг говорит об особом имажинативном измерении психотерапии [30].

Практика имажинации разворачивается в противоречии различных подходов. С одной стороны, в действии коммуникации необходимо создать фокус рефлексии, схем, проективности и, с другой стороны, осуществить познание себя самим собой, умом, душой и телом ее участников, что характерно для феноменологического метода. Противоречие может быть разрешено программой познающего телесного разума: восстанавливающееся единство, например, двух людей в диалоге, требует собирания в систему всех моментов превращенности телесных и словесных выражений. Это и будет являться имажинацией выстраивания системы, учитывающей и превращенность, и телесность, и действенное восприятие, а также моменты зрелищного выражения, фокусирующие суть народившейся системы восприятия другого человека как части собственной организации.

Имажинация «парадоксальной системы»

Психоаналитическое описание может быть не только отчетом и записью практики, но и формой разворачивания познавательных действий и демонстрацией возможностей имажинации. М. де М'Юзан, аналитик, в момент общения с анализантом, внезапно открывает в себе психические состояния, отличные от других действий своей психики. Он обнаруживает в моменты общения, возникающие «странные представления, фразы, неожиданные в грамматическом отношении, абстрактные формулы, красочные образы, более или менее оформленные фантазмы» [25, с. 193]. М. де М'Юзан полагает, что список этих действий не ограничен, но в нем означает отсутствие ясной связи с тем, что происходит в данный момент встречи аналитика с анализантом.

Имажинация начинается сама собой, без команды или желаний. Она определяет пространство выпадения аналитика из прописанного инструкциями аналитического действия, но очерчивает профиль ситуации «выпадения», «бегства из ситуации» аналитика как вполне понятного для него самого пространства возникшей ситуации. Не только из ситуации ускользает аналитик, но также и от теоретических доктрин, и от личной проблематики. Превращения, которые с ним случаются, относятся к интегральному измерению состояния человека, оказавшегося за пределами своих выученных правил и личных проблем. Возникают проявления бессознательного конфликта, которые, однако, не снижают внимания к познавательной встроенности в ситуацию отношений с анализантом. Они и являются имажинациями. Рассмотрим структуру одной из них.

Первый цикл имажинации. Возвращение в ситуацию после «выпадения» связано с состоянием тревоги за собеседника-анализанта (открылось ли ему состояние аналитика?)

и искажением идентичности, временной утраты своего Я в неуверенности за правильность своих действий. При этом осознается взаимодействие тела и разума «на лету» как говорит Е. Н. Князева [13, с 341]. Сознание аналитика отмечает игровую активность своих телесных проявлений (жестов, движений глаз, игру эмоций и т.д.), но и анализант остается в диалоге и никуда «не исчезает» из ситуации. Он внутренним зрением *как бы* наблюдает за открытием своей психической активности и опять же *как бы* получает разрешение на использование имажинации для более глубокого раскрытия своих фантазий. В такой циклической активности аналитик острее проникает в бессознательное своего анализанта, заимствует его бессознательное восприятие еще до возникновения логических утверждений и даже до более глубокого проникновения в фантазии последнего. «На лету» так же разрушается образ идеального всё знающего и способного на чудо аналитика. Оба *как бы* «раздеваются», как душой, так и телесными проявлениями, ускользающими от ментального контроля.

Второй цикл имажинации. Возникает ситуация обмена психическими состояниями, когда психическая система аналитика принимает на себя психический аппарат анализанта: «Последний «захватил» психический аппарат аналитика, он им временно завладел, чтобы запустить первичные психические процессы. Точнее, именно посредством своей репрезентации в психическом пространстве аналитика анализируемый «завладевает» на время и прочно духом аналитика» [25]. Этот феномен «захвата» наполнен образами и множеством вербальных форм. М. де М'Юзан отмечает полиморфизм этого наполнения. Одновременно, «захват» динамичен и динамизм этому феномену придает «сила предвосхищения», так как образный материал поднимается из «всевозможных генетических слоев» [25].

Третий цикл имажинации относится к осознанию аналитиком особенностей парадоксального мышления. Парадоксальное мышление это удел аналитика, но внутри анализанта идет работа восприятия, переработка мышления образами, которая должна принять полную форму благодаря работе психического аппарата аналитика, «аннексированного» анализантом. Аналитик как индивидуальность со своими личными страстями и жизненной историей выключается из циклической «парадоксальной системы» имажинации. Но не для прекращения существования в ней, а для ее использования в качестве инструмента аналитической работы.

М. де М'Юзан размышляет о том, что парадоксальная система свойственна не только аналитику. Это свойство более объемного феномена, который Е. Н. Князева называет «телесный разум». Его действие приводит к состоянию единства разума и тела, динамики восприятия и временного слияния участников коммуникации, обмену (аннексии) психического аппарата или его эмоциональной части от одного участника к другому для возникновения имажинации, а, в данном случае, предчувствия «как бы через завесу потока пульсирующих образов, постоянно меняющихся фигур, проходящих, исчезающих и возвращающихся» [25]. С этими фигурами, за которыми скрываются смыслы, приходится работать уже средствами рефлексии, схемологии и других рациональных конструкций.

Заключение

Имагинация является особым способом включения человека в познание окружающего мира. Этот способ сопряжен с концепцией визуальной культуры Б. Латура и концепцией энактивного взаимодействия «познающего тела» Е. Н. Князевой.

Имагинация свойственна каждому человеку. Когда человек познает мир и, особенно, других людей, он вынужден конструировать свои образные представления, концентрирующие не только первоначальный вымысел о видимом явлении, но проникать в это явление определяя его как визуализацию, к которой должно подключиться тело (взгляд, жест, мимика, эмоции). Человек может принимать за действительность мир своих имажинаций. Даже начать жить в этом мире чужой жизнью, принимая ее как собственную.

С позиции энактивизма субъект и объект находятся во взаимно определяющем отношении. Они способны одновременно возникать и обновлять друг друга не только совместным жизненным творчеством, но и негативными воздействиями (манипуляциями).

Первоначально термин «имаго» использовался в психоаналитической литературе в начале XX века в прикладном значении отличия вымысла от реальной жизни. С развитием эпистемологии в психоанализ приходят тенденции познания имажинаций как превращенных форм обобщенного смысла, разделенного между участниками аналитических сессий. Имагинации, в которых вымысел сплетен с реальностью, выражены в образно-символической форме, являются смесью бытия и знания человека, бессознательного и изощренных форм осознания. Человек оказывается погруженным в психоаналитическую имажинацию непредвиденным и случайным фактом взаимного обмена психическим аппаратом с своим собеседником. Аннексия психического аппарата – это часть энактивного взаимодействия пульсирующих образов, фигур, смыслов, утверждений, ведущих к смене режимов общения через подключение рефлексии, интерпретации и коррекции ситуаций действия «телесного ума».

Библиография

1. Агапов О.Д. Интерпретация как личностная форма творения бытия. Автореферат диссер. на соиск. ученой степени док. филос. наук по специальности 09.00.11 – социальная философия. Казань, 2011 г. – 50 с.
2. Анзье Д. Мышление: от Я-кожи к Я-мыслящему. Ижевск: ERGO, 2015. – 198 с.
3. Бажанов В.А., Краева А.Г. Феномен трансдисциплинарной когнитивной революции // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2. – С. 91-107.
4. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.
5. Волков И.Е. Социокультурная реальность – артефакт меняющегося мира. // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки» Т. 8 (4). 2017. – С. 294-297.
6. Волкова В.О., Волков И.Е. Постнеклассическое гуманитарное измерение человека: концепция и стратегия исследования. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2014. – 98 с.
7. Волкова В.О., Малахова Н.В., Волков И.Е. Имагинация: от образа к символу, от символа к тексту // Философская мысль. – 2020. – № 8. – С. 1-18. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.33491. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33491
8. Деменёв Д.Н. Художественная воля как онтологическое основание искусства // Философская мысль. – 2020. – № 3. – С. 10-24. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.3.32338 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32338
9. Дорожкин Е.Л. К определению поэтических онтологий // Философская мысль. 2020 № 1. – С. 13-21. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.1.32088 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32088
10. Иванов Д.В. Энактивизм и проблема сознания // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 40. № 3. – С. 88-104.
11. Калиниченко В.В. Язык и трансценденция // Логос. 1994. № 6. – С. 7-46.
12. Касавин И. Т. Что значит знать? Вот, друг мой, в чем вопрос... // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2018. – 413 с.
13. Князева Е.Н. Познающее тело и движущийся ум: концептуальный поворот в эпистемологии // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2018. – С. 339-351.

14. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции «Я» // Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. – С. 7-14.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lakan/st_zerk.php
15. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе//Логос. 2017. Т. 27. № 2. – С. 96-156.
16. Лосев А. Ф. История античной эстетики. СОФИСТЫ. СОКРАТ. ПЛАТОН. М.: Ладомир, 1994. – 716 с.
17. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., «Искусство», 1976. – 367 с.
18. Лосев А. Ф. Самое Самó // Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994. – 919 с.
19. Макдугалл Дж. Театры тела: Психоаналитический подход к лечению психосоматических расстройств. М.: «Когито-Центр», 2007. – 215 с. (Библиотека психоанализа).
20. Малахова Н.В. Когнитивная модель самодостоверности сознания в стремлении человеческой природы к восстановлению (COGNITIVE MODEL OF SELF-RELIABILITY OF CONSCIOUSNESS IN ASPIRATION OF THE HUMAN NATURE TO RESTORATION) / Когнитивное моделирование: Труды первого международного форума по когнитивному моделированию (14-21 сентября 2013 г., Италия, Милано-Мариттима). В 2-х частях. Часть 2. Когнитивное моделирование в науке, культуре, образовании: Труды первой международной конференции «Когнитивное моделирование в науке, культуре, образовании. CMSCE-2013». Ростов на/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. – С. 321-324.
21. Мамардашвили М. К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) //Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. с. 243-262.
22. Маслов В. М. Философия визуального поворота: от теории к практике// Философская мысль. – 2019. - № 12. – С.39-56 DOI: 10.25136/2409-8728.2019.12.31335 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31335
23. Мёкель Х. «Символическая выразительность» – феноменологическое понятие? Об отношении философии символических форм Эрнста Кассирера и феноменологии Эдмунда Гуссерля // Логос. №6. 1995. – С. 127-143.
24. Микешина Л. А. Эпистемология в России: ее становление в контексте гуманитарных и социальных наук//Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 1. – С. 8-22.
25. М'юзан де М. Контртрансфер и парадоксальная система//Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. – 576 с.
26. Розин В. М. Введение в схемологию: Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 256 с.
27. Спирова Э. М. Символ как понятие философской антропологии. Диссер. на соиск. ученой степени док. филос. наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры. Москва, 2011 // <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005013786>
28. Уорф Б. Л. Язык, сознание, и реальность. Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. – С. 220-243.
29. Фарман И. П. Образ// Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Канон+ Москва, 2009. – с. 641.
30. Хенинг Х. Об имагинативном измерении аналитической психотерапии // Х.Хенниг, Э.Фикенчер, У.Барке, В.Розенталь. Отношения и терапевтические имагинации. Кататимно-имагинативная психотерапия как психодинамический процесс. СПб.: ООО Издательский дом Офсет-мастер, 2008. – 259 с.

31. Юнг К. Г. Определение терминов // Психологические типы. Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 656 с.
32. Bahrke U. Zur Förderung der Symbolisierungsfähigkeit im Behandlungsspektrum der Katathym-imaginativen Psychotherapie // *Imagination* 27. 2005. Pp. 5-17.
33. Bahrke U., Nohr K. Katathym Imaginativen Psychotherapie: Eine Positionsbestimmung // *Imagination* 27/4. 2005. Pp. 73-92.
34. Nohr K. Die Stimmenimago. Ein Beitrag zum Verständnis heilsamer Wirkungen in Musik und Therapie // B. Oberhoff (Hrsg). *Die Musik als Geliebte*. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2003. Pp. 81-98.
35. Nohr K. «Meine Seele hort im Sehen» – Zum szenischen Charakter des Therapeutischen Umgangs mit katathymen imaginationen // *Imagination*. 28/4. 2006. Pp. 5-29.
36. Leuner H. *Katathymes Bilderleben. Ergebnisse in Theorie und Praxis* // Bern-Stuttgart-Toronto: Huber, 1990.

References (transliterated)

1. Agapov O. D. Interpretatsiya kak lichnostnaya forma tvoreniya bytiya. Avtoreferat disser. na soisk. uchenoj stepeni dok. filos. nauk po special'nosti 09.00.11 – social'naya filosofiya. Kazan', 2011 g., – 50 s.
2. Anz'e D. Myshlenie: ot YA-kozhi k YA-myslyashchemu — Izhevsk: ERGO, 2015. – 198 s.
3. Bazhanov V. A. Kraeva A. G. Fenomen transdisciplinarnoj kognitivnoj revolyucii // *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal*. 2016. T. 5. №2. S. 91-107
4. Bodriyar ZH. *Fatal'nye strategii*. – M.: RIPOL klassik, 2017. – 288 s.
5. Volkov I. E. Sociokul'turnaya real'nost' – artefakt menyayushchegosya mira. // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya «Gumanitarnye nauki»* T. 8 (4). 2017. S. 294-297.
6. Volkova V. O. Volkov I. E. Postneklassicheskoe gumanitarnoe izmerenie cheloveka: koncepciya i strategiya issledovaniya. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2014. – 98 s.
7. Volkova V.O., Malahova N.V., Volkov I.E. — Imaginatsiya: ot obraza k simvolu, ot simvola k tekstu // *Filosofskaya mysl'*. – 2020. – № 8. – S. 1 - 18. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.33491. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33491
8. Demenyov D.N. - Hudozhestvennaya volya kak ontologicheskoe osnovanie iskusstva/ filosofskaya mysl'. 2020. № 3. – s. 10 – 24. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.3.32338
9. Dorozhkin E. K opredeleniyu poeticheskikh ontologij // *Filosofskaya mysl'*. 2020 № 1. – S. 13 – 21. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.1.32088
10. Ivanov D. V. Enaktivizm i problema soznaniya // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2016. T. 40. №3. S. 88 – 104
11. Kalinichenko V. YAzyk i transcenciya // *Logos*. 1994. №6. S. 7- 46.
12. Kasavin I. T. CHto znachit znat'? Vot, drug moj, v chem vopros... // *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii*. – N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2018. – 413 s.
13. Knyazeva E. N. Poznayushchee telo i dvizhushchiysya um: konceptual'nyj povорот v epistemologii // *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii*. – N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2018. – 413 s.
14. Lakan, ZH. Stadiya zerkala i ee rol' v formirovanií funkcií «YA» // *Instantsiya bukvy, ili sud'ba razuma posle Frejda*. – M.: Logos, 1997. – S. 7 – 14.: [http: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lakan/st_zerk.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lakan/st_zerk.php)
15. Latur B. Vizualizatsiya i poznanie: izobrazhaya veshchi vmeste // *Logos*. 2017. T. 27. №2. S. 96 – 156
16. Losev A. F. *Istoriya antichnoj estetiki*. SOFISTY. SOKRAT. PLATON – M.: Lodomir, 1994. – 716 s.
17. Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo*. M., «Iskusstvo», 1976. - 367 s.
18. Losev A. F. *Sámoe Samó* // *Mif – CHislo – Sushchnost'*. M.: Mysl', 1994. - 919 s.

19. Makdugall Dzh. Teatry tela: Psihoanaliticheskij podhod k lecheniyu psichosomaticeskikh rasstrojstv /— M.: «Kogito_Centr», 2007.— 215 s. (Biblioteka psihoanaliza)].
20. Malahova N.V., Kognitivnaya model' samodostovernosti soznaniya v stremlenii chelovecheskoj prirody k vosstanovleniyu (COGNITIVE MODEL OF SELF-RELIABILITY OF CONSCIOUSNESS IN ASPIRATION OF THE HUMAN NATURE TO RESTORATION) / Kognitivnoe modelirovanie: Trudy pervogo mezhdunarodnogo foruma po kognitivnomu modelirovaniyu (14-21 sentyabrya 2013 g., Italiya, Milano-Marittima). V 2-h chastyah. CHast' 2. Kognitivnoe modelirovanie v nauke, kul'ture, obrazovanii: Trudy pervoj mezhdunarodnoj konferencii «Kognitivnoe modelirovanie v nauke, kul'ture, obrazovanii. CMSCE-2013». Rostov na/D: Izd-vo SKNC VSH YUFU, 2013. S. 321-324.
21. Mamardashvili M. K. Prevrashchennye formy (O neobhodimosti irrational'nyh vyrazhenij) //Formy i sodержanie myshleniya. — SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. s. 243 – 262.
22. Maslov V. M. Filosofiya vizual'nogo povorota: ot teorii k praktike// Filosofskaya mysl'. — 2019. - №12. — S.39 — 56 DOI: 10.25136/2409-8728.2019.12.31335 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31335
23. Myokel' H. «Simvolicheskaya vyrazitel'nost'» — fenomenologicheskoe ponyatie? Ob otnoshenii filosofii simvolicheskikh form Ernsta Kassirera i fenomenologii Edmunda Gusserlya // Logos. №6. 1995. S. 127–143.
24. Mikesheva L. A. Epistemologiya v Rossii: ee stanovlenie v kontekste gumanitarnykh i social'nykh nauk//Epistemologiya i filosofiya nauki. 2019. T. 56. №1. S. 8 – 22.
25. M'yuzan de M. Kontrtransfer i paradoksal'naya sistema//Francuzskaya psihoanaliticheskaya shkola. — SPb.: Piter, 2005. — 576 s.
26. Rozin V. M. Vvedenie v skhemologiyu: Skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii. — M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. — 256 s.
27. Spirova E. M. Simvol kak ponyatie filosofskoj antropologii. Dissert. na soisk. uchenoj stepeni dok. filos. nauk po special'nosti 09.00.13 – filosofskaya antropologiya, filosofiya kul'tury. Moskva, 2011 // <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005013786>
28. Uorf B. L. YAzyk, soznanie, i real'nost'. Epistemologiya i filosofiya nauki. 2016. T. 50, №4. S. 220 – 243
29. Farman I. P. Obraz// Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki. Kanon+ Moskva, 2009, - 1248 s.
30. Henning H. Ob imaginativnom izmerenii analiticheskoy psihoterapii // H.Hennig, E.Fikencher, U.Barke, V.Rozental'. Otnosheniya i terapevticheskie imaginacii. Katatimno-imaginativnaya psihoterapiya kak psihodinamicheskij process. SPb.: OOO Izdatel'skij dom Ofset-master, 2008. - 259 s.
31. Yung K. G. Opredelenie terminov //Psihologicheskie tipy. — Mn.: OOO «Popurri», 1998. - 656 s.
32. Bahrke U. Zur Förderung der Symbolisierungsfähigkeit im Behandlungsspektrum der Katathym-imaginativen Psychotherapie // Imagination 27. 2005. Pp. 5-17.
33. Bahrke U., Nohr K. Katathym Imaginativen Psychotherapie: Eine Positionsbestimmung // Imagination 27/4. 2005. Pp. 73-92.
34. Nohr K. Die Stimmenimago. Ein Beitrag zum Verständnis heilsamer Wirkungen in Musik und Therapie // B. Oberhoff (Hrsg). Die Musik als Geliebte. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2003. Pp. 81-98.
35. Nohr K. «Meine Seele hort im Sehen» — Zum szenischen Charakter des Therapeutischen Umgangs mit katathymen imaginationen // Imagination. 28/4. 2006. Pp. 5-29.
36. Leuner H. Katathymes Bilderleben. Ergebnisse in Theorie und Praxis // Bern-Stuttgart-Toronto: Huber, 1990.